

Конь и колесница в тамильской лирике.¹

Общеизвестно, что лошади были привнесены в Индию в глубокой древности племенами ариев (вопрос о наличии лошадей в культуре Мохенджо-даро и Хараппы мы оставляем в стороне) и впоследствии распространились по всей ее территории. Громадную роль играл конь в ведийских мифологии и ритуалах (см. [Иванов 1974]) и в военном деле. Когда произошло знакомство с лошадьми на юге Индии, точно неизвестно, но в наиболее ранних известных нам памятниках словесности (в так называемой поэзии *санги*, традиционно соотносимой с 1-й пол. 1-го тыс. н.э.), лошади упоминаются часто. Есть основания полагать, что они доставлялись не только из северной Индии, но ввозились (видимо, из Аравии и Персии) на кораблях, о чем сообщают строки тамильских поэм ПП, ППан (исходный пункт их маршрутов, впрочем, не указан). *nīriṅ vanta nimirpari puraviyūm* ‘прямоходные лошади прибывшие по воде’ (ПП, 185); *pārṅkēl vāluḷaip puraviyoṭu vaṭavaḷan tarūm nāvāy* ‘корабли, привозящие богатство севера вместе с белогривыми, словно молоко, лошадьми’ (ППан, 319-321). Корабли, привозящие лошадей, упоминаются и в поэме МК (319-323). Тамильские цари продолжали закупать лошадей и позже, о чем, например, свидетельствует эпизод из жизни Вадавурана (впоследствии ставшего знаменитым поэтом-бхактом по имени Маниккавасахар, 9 в.), который, будучи министром пандийского царя, именно с этой целью был послан им в портовый город Перунтурей.

---

¹ Автор выражает благодарность М.А. Русанову за консультацию по санскритской коневодческой терминологии.

Знакомство с текстами старой тамильской поэзии позволяет утверждать, что ритуально-мифологический аспект восприятия коня, свойственный ведийской культуре, в них отсутствует. Но конь фигурирует в обоих главных условных подразделениях тамильской поэзии – *пурам* и *ахам*. В панегирической поэзии (поэзии *пурам*) правители крупных царств восхваляются как обладатели армии, состоящей из четырех традиционных в Индии родов войск (слоны, кавалерия, колесницы, пехота). Об этом, например, так говорит один из поэтов *puṛaṇāṇīṟu* («Четыреста стихов *пурам*»), антология героической поэзии), желая, впрочем, в первую очередь подчеркнуть моральные качества пандийского царя, его стремление к дхарме, то-есть, к добродетели и справедливости:

kaṭuñ ciṇatta kol kaḷirum kataḷ pariya kali māvum
neṭuñ koṭiya nimir tērum neñc uṭaiya pukal maṟavarum eṇa
nāṅkuṭaṅ māṅṭa tāyiṇum māṅṭa
aṅaneṛi mutarre araciṅ korram

Сильногневные, убийственные слоны,
Быстробегущие шумные кони,
Прямые, с длинными флагами колесницы,
Обладающие сердцами, (желающими)
Вступить (на поле битвы) воины, --
Не только этими четырьмя славна,
Но перво-наперво славным путем дхармы
Обладает победа царя (ПН 55, 7-10).

Обладание армией, в том числе и кавалерией, было в древней Индии одним из неотъемлемых атрибутов царской власти, что нашло отражение и в тамильском нормативном трактате *tolkāppiyam* (в главе, посвященной содержанию поэтических произведений):

tāṇai yāṇai kutirai eṇṛa
nōṇār uṭkum mūvakai nilaiyum
Армия, слоны и кони – три разряда (войска),
Устрашающие врагов (Тол. 626).

Поскольку в поэзии *пурам* речь идет в первую очередь о конях, применяемых в сражениях, то им приписывается воинская отвага (*ceru uṟu kutirai*

‘воинственный конь’ КТ 385, 3), равняющая их с воинами: *vīrar pukaḷ māṅṅa puraviyellām maṅattakai maintaroṭu āṅṅu paṅṅavē* ‘Там пали все кони, удостоенные победной славы, вместе с доблестными сынами-(воинами)’ (ПН 63,3). Этот мотив развивает и автор ПН 273, где упомянут конь воина, не вернувшийся с поля боя, что, несомненно, означает и гибель его хозяина:

*māvā rātē māvā rātē
ellār māvum vantaṅṅa vemmiṅṅ
pulluḷai kuṅṅumip putalvaṅṅ ranta
celva ṅūru māvārātē
irupēr yārṅṅa voruperuṅṅ kūṅṅal
vilaṅṅkiṅṅu perumaram pōḷa
ulantaṅṅru kollavaṅṅ malainta māvē*

Не вернулся конь, не вернулся конь.
Кони (других) всех вернулись,
(Кроме) коня, на котором ездил любимый (муж),
Давший (нам) сына с нежной холкой.
Подобно дереву на отшибе, (оказавшемуся)
В месте слияния двух крупных потоков,
Погиб конь, на котором он воевал.

В средневековом трактате *purapporuḷveṅṅpāmālai*, описывающем темы поэзии *пурам*, тема ‘доблесть коня’ (*kuṅṅirai maṅṅam*) образует специальную рубрику (в разделе *tumpraip paṅṅalam*):

*eṅṅipaṅṅaiyāṅṅ ikaḷamaruḷ
ceṅṅipaṅṅaimāṅṅ tiṅṅaṅṅkiḷantaṅṅru (7).*

(Здесь) сказано о доблести коня с ладной сбруей
На яростном поле битвы, где сражается
Обладатель атакующей армии.

И далее следует иллюстрирующее эту тему стихотворение:

*kuntaṅṅ koṅṅuvil kurutivēḷ kuṅṅātār
vanta vakaiyaṅṅiyā vāḷamaruḷ – ventiraḷ
ārkaḷal maṅṅṅaṅṅ alaṅṅkuḷaimā veṅṅcilai
vārkaṅṅaiyiṅṅ muntī varum.*

В битве мечами, когда не различим порядок выхода (на поле боя)
Врагов с пиками, изогнутыми луками и кровавыми копьями,
Кони с развевающимися гривами яростного царя с плотными браслетами

Выходят вперед, словно стрела, выпущенная из горячего лука.

Представление о том, что свойства коня отражают свойства его владельца, интересным образом подано в панегирическом стихотворении ПН 299:

parutti vēlic cīrūr maṇṇan
uḷuttata ruṇṭa vōynaṭaip puravi
kaṭaṇmaṇṭu tōṇiyiṛ paṭaimukam pōḷa
neymmiti yaruntiya koysuva leruttir
raṇṇaṭai maṇṇar tāruṭaiya puravi
aṇankuṭai murukaṇ kōṭṭattuk
kalantoṭā makaliri nīkaltuniṇ ravvē

Царя, владельца маленьких селений с заборами из хлопковых (кустов),
Ядящие бобовую мякину и с расслабленной походкой кони
Раскалывают строй (врага), как лодка (воды) моря,
А с гривами подстриженными и с гирляндами на шеях,
Наевшиеся (риса) с маслом и с вальжкою походкой кони (иных) царей,
Стоят (в бою) позорно, как девицы в храме Муругана, что обладает анангу,
Которым драгоценностей касаться (не пристало).²

Энергия, горячий нрав коней иногда подчеркиваются указанием на их
нежелание пребывать в стойле: raṇainilai muṇaiiya palluḷaip puravi

‘густогривые кони, ненавидящие стойло’ (ННВ, 93); raṇainilai muṇaiiya
viṇainavil puravi (АН 254, 12) ‘обученные делу кони, ненавидящие стойло’.

Как известно, героическая поэзия вообще не чурается описания жестоких
или кровавых сцен или образов, и тамильская поэзия в этом отношении не
исключение. При восхвалении воинской доблести царя и его войска поэты
часто упоминают льющуюся кровь, запачканные кровью тела или оружие.

Применительно к боевым коням это выглядит, например, так:

māvē eripattā nīṭankāṭṭak
kaṇḷporuta cevvaṅyāṇ
eruttuvavviya puliponraṇa (ПН 4, 7- 9).

² Это выражение kalantoṭā makalir имеет не вполне очевидный смысл. Поскольку kalam обозначает в первую очередь сосуд, то его переводят как ‘девицы, не трогающие сосудов’, то-есть, находящиеся в состоянии месячной нечистоты (‘stand frozen in fear like women in their time of the month, when they must not even touch dishes [Puṇaṇṭu 1999, p. 174]). Однако, в этом случае им также вряд ли было бы возможно находиться в святилище. По моему предположению, речь может идти о совершении ими женского обряда стратотерпия (попри), во время которого его участницы постятся, сдержаны в проявлении чувств, не используют украшения. Сравнение с ними удачно передает пассивное состояние коней.

А лошади, когда (наездники) ударом ног (их) направляют,
Своею красной пастью, (в кровь) избитою уздечкой,
Подобны тиграм, впившимся в загривок (антилопы).

māvē parantorūṅku malainta maṛavar
polampaintār keṭapparitalir
kaḷanuḷan tacaiiya maṛukkuḷam piṇavē (ПН 97, 11- 13).

Коней, что в беге (налетают) на воинов (врага),
Стоящих широко (по полю битвы), разрушая
(Украшенные) золотом (их) гирлянды,
Вспахавшие (его) копыта испачканы (в крови).

В тамильской поэзии конь или лошадь (без выделения гендерной принадлежности) обозначаются пятью словами: *puṛavi*, *kutirai*, *ivūḷi*, *mā/māṇ*, *paṛi*. Существенных различий в распределении их употребления не обнаруживается. Можно отметить лишь, что слово *mā/māṇ* имеет более общее значение ‘зверь, животное’, а слово *paṛi* означает ‘движение, бег, скорость’³. Последнее весьма примечательно, так как показывает, что конь мыслился как олицетворение скорости, качеством, разумеется, высоко ценимым, и постоянно упоминаемым в поэзии, часто вместе с именами царей-владельцев. Например: *kaṭumāṇ rēkaṇ* ‘Пекан, обладатель быстрых коней’ (ПН143,6); *kaṭumpaṛi kutirai āy euyiṇaṇ* ‘Ай Ейинан, обладатель быстроходных коней’ (АН 148,7); *kaṭumpaṛi puṛavi kaiyaṇ pāri* ‘щедрорукий Пари, обладатель быстроходных коней’ (АН78, 22); *kaṭumpaṛi kaṭumāṇ tōṇṇal* ‘предводитель, обладающий сильными быстроходными конями’ (ПН 265,5); *kaṭumpaṛi paṇṇmāṇ* ‘быстробегущий хороший конь’ (ПН 368,5). В подобных оборотах слово *paṛi* иногда заменяется на *kaḷi* ‘сила, шум’: *kaḷimāṇ* ‘быстрый конь’ (ПН 145, 3); *kaḷimāṇ rēkaṇ* ‘Пекан, обладатель быстрых (сильных) коней’ (ПН141,12), что, разумеется, сущности дела не меняет.

Наличие подобных формул в ранней тамильской поэзии подтверждает тот факт, что тамильские поэты, ни в коей мере не будучи эпическими

---

³ Исчерпывающий список случаев употребления этих слов, а также словосочетаний с ними содержится в работе [Вацек 2014]. По подсчетам автора, в текстах *санги* наибольшее число раз (177) употребляется слово *mā/māṇ*. Затем следуют *paṛi* (83), *puṛavi* (74), *kutirai* (28), *ivūḷi* (8). Отметим также, что тамильские термины для коня не имеют соответствия в санскрите.

сказителями, выработали определенный, по типу близкий эпическому, стиль изложения, описанный К. Кайласапати в его книге о тамильской героической поэзии. Приводимые им списки формул [Kailasapati 1968, p. 172-174], в которых фигурируют и отмеченные нами выше, несомненно, составляют значительную часть художественного арсенала этой поэзии. На их основе поэты разрабатывают более сложные образы, когда хотят выразить стремительность и мощь бега коней, например: *viṭuvicaik kutirai vilaṅkuparī mṭṭuka* ‘кони с «отпущенным» бегом увеличивают удаляющую скорость (т.е. оставляют все позади)’ (АН 14,18); *mṭṭiṅ maṅṭilam āti ārrā naṅṅāḷku pūṅṭa kaṭumparī neṭuntēr* ‘большая быстроходная колесница с четверкой впряженных в нее лошадей, для аллюра *ади* которых нипочем мир, окруженный трехводным океаном’ (АН 104, 5); *kāleṅa maṅṭa ēṅi nūliyaṅ kaṅṅōkku oḷikkum paṅṅamai neṭuntēr* ‘большая ладная колесница, вздымаясь, словно ветер, подобно нити, (прямо бегущая), уничтожающая взор (т.е., за ней невозможно уследить)’ (АН 234, 7-8); *nilam piṅakkiṭuvatu pōṅkuḷampu kuṭaiyū uḷḷa moḷikkuṅ koṭṭiṅ māṅ* ‘конь с уничтожающей душу (умопомрачительной) хваткой, словно оставляет позади весь мир’ (ПН 303,1-2); *vaḷitoli loḷikkum vaṅṅarip puravi* ‘конь с сильным бегом, уничтожающим (превосходящим) труд ветра (ПН 304, 3); *ulaku kaṭarpanṅa pulliyaṅ kalimā* ‘быстрые кони с естественством птиц, словно пересекающие мир’ (АН 64,1-2); *ēttolil navinṅa eḷilnataip puravi* ‘кони с красивым ходом, обученные делу стрелы’ (АН 160,11); *kāl iyaṅ puravi* ‘кони с естественством ветра’ (ПН178, 2); *kāliyaṅ netuntēr* ‘большая колесница, чья природа ветер’ (АН175,10); *vaḷi paṅṅantaṅṅa vāac celal ivuḷiyotu* ‘словно движется вихрь, галопом движущиеся кони’ (ПН197,1) *niḷal olippanṅa nimirparip puravi* (АН 344, 9) ‘как тень мелькающие, выпрямленные в беге лошади’ и др. При всем отличии подобных более развитых образов от простых формул, в целом и они стилистически вполне соответствуют многочисленным примерам из индийского эпоса: ‘кони, быстрые, как ветер’ [Мхбх IV, с.36]; ‘кони летят со

скоростью ветра” [Мхбх III, 153]; ‘копыта не видны при беге’ [Мхбх IV, с.73]; ‘кони быстрые, как мысль’ [Мхбх IV, с 90] и т.д.⁴

Как на одну из нитей, связывающих тамильскую поэзию с индийским эпосом, укажем на использование ею разновидности сравнения, известного в санскритской поэтике под именем рупака (*rupaka*), когда на основе сходства субъект принимает вид объекта.⁵ Выразительным примером применения этого тропа в тамильской поэзии является фрагмент (1-10) из стихотворения ПН 369 поэта Паранара, в котором сравнение коней с ветром замещается на олицетворение ими ветра:

iruppumukañ ceṛitta vēntelīṅ maruppiṛ
karuṅkai yāṅai koṇmūvāka
nīṅmoli marava reṛivāṇa ruyartta
vāṅmiṅ ṅāka vayaṅkukaṭiṇ pamainta
kurutiṇ paliya muracumuḷak kāka
aracarāṇ paṅikku maṅaṅkuṛu poḷutiṅ
vevviṇai puravi vīcuvaiyāka
vīcippuṛu valvil vīṅkunā ṅukaitta
kaṅaittuḷi poḷinta kaṅṅakaṅ kiṭakkai
īrac ceṛuvayīṛ rēṛē rāka

С большими, кончики в железе, поднятыми бивнями красивыми
И с хоботами черными слоны – (там) тучи дождевые;
Велеречивыми бойцами поднятые вверх
Мечи – там молнии; там со сверкающими колотушками
(Приемлющие) жертву кровью барабаны – гром;
В то время, *анангу*-энергией наполненное,
Когда трясутся змеи-(неприятеля) цари,
Быстронесущиеся кони – дующие ветры;
Когда от мощных луков с натянутыми туго тетивами
Несется ливень стрел, то на пространстве
С землю мокрой поля (боя) колесницы – плуги...

Эти строки вполне сопоставимы с таким, например, отрывком из «Махабхараты»: «Сошедшиеся (в бою) хорошо оснащенные войска с пышными знаменами, оглашаемые звуками барабанного боя, напоминали

⁴ Быстрота как существенная характеристика коня (как и уподобление коня птице) относится к древнейшим слоям арийской словесности [Иванов 1974, с. 138].

⁵ См. [Гринцер 1987, сс. 77-81]. Еще один яркий пример рупаки в тамильской поэзии мы имеем в стихотворении на любовную тему АН 82, где горный пейзаж подается как арена для выступления танцовщицы.

шумом скопища туч, (наплывающих) на исходе жаркой поры. Жестоким нежеланным ливнем, (обрушившимся) не ко времени, явилась та скорая битва живущих: огромные слоны были ее обильными тучами, (летающее) оружие – струями (дождя), звучание вадитр, стук колес и треск ударов ладоней о тетиву – шумом (воды); точно молнии (сверкало) блестящее позолотой оружие, бурлили потоки крови, мелькали мечи, грохотали мощные колесницы – шли на смерть кшатрии»⁶.

При характеристике коней в тамильской поэзии встречается (как в приведенной выше строке АН 104, 5) термин *āti* (заимствование из санскрита со значением ‘начало, изначальный’). Он подразумевает, видимо, основной аллюр лошади, скорее всего ‘рысь’⁷ и упоминается еще в ряде текстов. Например НТ 81, 2- 5:

āti pōkiya acaivil nōntā!
maṅṅar matikkum māṅviṅaiṅ puravi
koṁmayir eruttiṅ reuṁmaṅi
pūṅkatil pāka niṅ tērē.
Запрягай, колесничий, в колесницу
Коней с колокольцами на шее,
С подстриженными гривами, славных в деле,
Ценимых царем, с устойчивыми сильными ногами,
Бегущих рысью (аллюром *adi*).

В поэме МК имеется яркое развернутое описание коней и колесниц на улицах города Мадураи с упоминанием этого аллюра:

aṅkaṅmāl vicumpu putaiya vaḷipōlntu
oṅkatir ṅāyir rūrālavāt tiritarum
ceṅkāl aṅṅattuc cēval aṅṅa
kurūmayir puravi yurālir **parinimirntu**
kāleṅak kaṭukkuṅ kavinṅperuntēruṅ
koṅṅa kōlaṅ koḷkai navirraliṅ
aṅṅipaṅumaṅṅilat tāti pōkiya
koṅṅipaṅu cuvala viṅṅumayirṅ puravi (МК 385-391).

Словно вихрь, раскалывая (воздух), затмевая огромное небо,

⁶ Перевод Я.В. Василькова и С. Л. Невелевой [Мхбх VIII, сс. 184-185.]

⁷ ПН 197, 1 дает для обозначения стиля бега и другой термин *vā*, что надо понимать как ‘галоп’ (издатель и комментатор текста ПН Саминатхаияр объясняет это слово как ‘бег с прыжками’). *vāa pāṅi vayanṅku toḷiṅ kalimā* (АН 134, 7) ‘быстрые кони, (знающие) труд ритмичного галопа’.

Задумав достичь яркое солнце, двигающихся
Краснолапых гусей полет напоминающие,
С конями гривами сверкающими, вытянувшимися в беге,
(В них запряженными), ветру подобные красивые колесницы;
Обученные (правильному) поведению жезлом (дрессировщика)
Бегущие по кругу манежа аллюром *ади*,
С распущенными и украшенными гривами кони.

Судя по этому и другим примерам, упомянутый аллюр, подразумевавший не только быстрое, но и прямое, ровное поступательное движение лошади, видимо, высоко ценился, и потому поэты часто использовали применительно к коням и колеснице глагол *nimir* 'быть прямым, выпрямленным' (*nimirpaṅi puravi* 'прямоходные кони' АН 344, 9), а также сравнения, связанные с идеей прямизны, ровности: *puḷ ēṅ puravi* (Пари 11, 52) 'кони, подобные птицам'; *nūṇeṅi nuṇaṅkiya kāṇavil puravi* 'кони с умелыми ногами, (бегущие) прямо по нити дороги' (АН 314, 8; ПП, 85); *ulaku kaṭarraṇṇa pulliyaṅ kalimā* 'быстрые кони с естественностью птиц, словно пересекающие мир' (АН 64,1-2); *ēttolil navinṅa eḷilnaṭaip puravi* 'кони с красивым ходом, обученные делу стрелы' (АН 160,11); *kāl iyaṅ puravi* 'кони с естественностью ветра' (ПН 178, 2).

В приведенном выше отрывке из поэмы *maturaikkāñci* обращает на себя внимание упоминание манежа (*aṭipaṭu maṅṭilam* 'утопанный круг'), свидетельствующее о существовании развитой культуры обучения лошадей. Если судить по тому, что для обозначения манежа используется санскритское слово (*maṅṭilam*), то можно считать, что коневодство на юге не обошлось без северного влияния.⁸ Однако, выучка лошадей обычно ассоциируется в тамильской поэзии с тамильским глаголом *navil* 'учиться, практиковаться' и производным от него причастием *navinṅa* (по данным Я. Вацек в поэзии санги эти слова употребляются соответственно 31 и 7 раз), например: *viṇai navil puravi* 'конь, обученный делу' (АН 254, 12); *kāl navil puravi* 'конь с обученными (умелыми, тренированными) ногами' (АН 314, 18;

---

⁸ Отметим, что северное происхождение науки управления слонами выявляется еще более определенно: в поэме *mullaippāṭṭu* упоминаются молодые люди, которые кормят слонов, произнося северные (т.е. санскритские) слова (*vaṭamoḷi paṇṇiṅgi* МП, 34).

334, 11)⁹; ēttolil navinra... puravi (АН 161, 11) ‘конь, (букв.) обученный работе стрелы’ (АН 254, 12); viṇai navil puravi ‘конь, обученный делу’ (АН 334, 9); rāṇi riḷaiyā mānviṇai kalimā ‘быстрые кони, славные в деле, не сбивающиеся с ритма’ (АН 360,11). Как свидетельствует пассаж в НТ 78, 9-11, кони настолько знают свое дело, что могут обходиться без принуждения: pulḷunimirntanna polampataik kalimā valavaṇ kōluṛa aṛiyā...tērmaṇi kuralē ‘звук колокольчика на колеснице с конями, словно взмывающие птицы, с позолоченной сбруей, не знающими жезла возничего’.

Кони описываются в поэзии как ухоженные, хорошо экипированные, украшенные животные. Их гривы (cuval, maṇiṛ) обычно описываются как подстриженные (koṇu cuval puravi ‘конь с подстриженной гривой’ - формула, часто используемая поэтами; см. ПН 368, 7; АН 36, 13; Пади 64, 9 и др.).¹⁰ Термин uḷai также означает конские волосы, но прежде всего подразумевает пучок волос, плюмаж на голове лошади. Показательно употребление обоих слов (uḷai, cuval) в одной строке: kuraṅkuḷaip polinta koṇucubar puravi ‘конь с подстриженной гривой и роскошным наклоненным пучком’ (АН 4, 8). Этот пучок/плюмаж определяется также как ‘белый’ (vāl, НТ 136,8), ‘развевающийся’ (viṛi, АН 364, 6), ‘трясущийся’ (alaṅku, ПН 2, 13; 382, 4), ‘множественный’ (pal, НВ 93, т.е. густой?). В НТ 63, 8 встречается выражение iṇiṅciṛai iṇuḷi , которое, исходя из значения слова ciṛai ‘крыло, перо’, можно понимать как лошадь с высоким плюмажем (буквально, пучок с перьями).

Другие технические термины, связанные с лошадьми, представлены в тамильской поэзии несколькими словами. Упомянуты nukaṁ ‘ярмо’ (АН 224, 4), слово, производное от санскр. yuga (с индо-европейской этимологией, ср. англ. yoke); val/valṛu ‘уздечка’ и ‘вожжи’ (АН 234, 5) (возможно, от санскр. valga): valavaṇ valṛuvali yuḷuppa ‘искусный возница сильно натягивает вожжи’ (АН 354, 8). Основными значениями слова paṭai

---

⁹ Поскольку слово kāl ‘нога’ омонимично слову kāl ‘ветер’ словосочетание kālnavil можно понимать как ‘обученные ветром’.

¹⁰ Большое число примеров приведено в [Вацек 2014, с. 74-77].

являются ‘армия, оружие’, но применительно к лошадям оно, видимо, обозначает конскую амуницию в целом и специфически ‘упряжь,’ ‘сбрую’, может быть, ‘седло’: *polam raṭaiya mā* ‘конь с позолоченной сбруей’ (ПН 359, 14); *oliṅu raṭaiya puraviya tēr* ‘колесница с лошадьми со сверкающей сбруей’ (ПН 135, 15); *palraṭai puravi* ‘букв: конь со многой амуницией, т.е., хорошо экипированный’ (АН 345, 5); *perumpataik kutirai narpor vanavan* ‘Ванаван, ведущий благую войну, (имея) коней с большой амуницией, (т.е., опять-таки хорошо экипированных)’ (АН 309, 10).

Помимо всего прочего, кони и колесницы украшались гирляндами (*tār*), в которые были вплетены колокольчики, или бубенцы (*maṇi*): *kaṅṅāl aruviyiṅ olikkum narṅēt tāрмаṇi palavuṭaṅ iyampra* ‘благая колесница, звучащая, как ручей в горной стороне, шумит множеством бубенцов в гирляндах’ (АН 184, 17-18); *tāruṭai puravi* ‘конь с гирляндой’ (ПН 299, 5); *tār aṇi puravi* ‘конь, украшенный гирляндой’ (НТ181,11); *nirai maṇi puravi* ‘конь с рядами бубенцов’ (АН 190,14). *iṅamaṇi puravi* ‘конь с отборными бубенцами’ (АН 80,10).

Судя по текстам антологий, ни цари, главные герои панегирической поэзии *пурам*, ни герои любовной поэзии *ахам* в качестве всадников почти не выступают. В ПН 158, впрочем, о правителе Малеияне говорится, что он ездил на Кари (кличка коня) *kāri ūrntu ... malaiyaṅ* (6-7)¹¹. Однако, чаще всего обобщенной хвалебной характеристикой властителей является факт владения лошадьми вообще: *kalimāṅ rēkaṅ* ‘быстроконный Пекан’ (ПН141,12), *kaṭumāṅ tonṅal* ‘быстроконный господин’ (ПН 265,5), *vayamāṅ senṅi* ‘сильноконный Сенни’ (ПН 266,7). Равным образом поэты постоянно называют их владельцами колесниц: *iyarṅēr vaḷuti* ‘Важуди, (владелец) ладных колесниц’ (ПН 52,6); *iyarṅēr vaḷava* ‘О Валаван, (владелец) ладных колесниц’ (ПН 7, 10); *tiṅṅēr poraiyaṅ* ‘Пореиян, (владелец) крепких колесниц’ (АН 60); *neṅuntēr kāri* ‘Кари, (владелец) длинных колесниц’ (АН 35,15); *tiṅṅēr*

---

¹¹ См. также стихотворение Кали 96, приведенное в конце статьи.

kaṇaiyaṇ ‘Канеиян, (владелец) крепких колесниц’ (АН 44, 12); polantēr naṇṇaṇ ‘Наннан, (владелец) позолоченной колесницы’ (Пади 40, 14) и т.д.

Колесница (tēr) уже не раз фигурировала в приведенных выше примерах, где она характеризовались как ладная (nal tēr, iyal tēr), длинная (neṭun tēr), крепкая (tiṇ tēr). Разумеется, она и быстрая (словно ветер), хотя быстрота, понятно, связана в первую очередь с достоинствами коней, которые ее влекут. Тем не менее, представление о скорости колесницы и само по себе, может иметь смысл, поскольку, отражает, как и прочие ее свойства, высокое качество этого предмета и умения, с которым он произведен (raṇṇamaī neṭuntēr ‘искусно устроенная колесница’, АН 234, 8), равно как и того, как она управляется возничим (об этом см. ниже).

Тамильская поэзия не содержит пространного описания колесниц (как, впрочем, и оснащения лошадей), и в этом отношении не идет в сравнение, скажем, с ведийской традицией, дающей довольно длинный ряд терминов, связанных с конями и колесницами [Елизаренкова, Топоров 1995, сс. 509-511]. Упоминаются лишь башенка-навес (koṭiñci, или koṭuñci) в форме лотоса и колеса, которые обозначаются словами āli, tikiri и nēmi (последнее – санскритское заимствование).¹²

Колесницы нередко упоминаются среди богатств, которыми щедрые цари одаривают просителей: tērvī cirukkaī ‘место, где (царь) раздает колесницы’ (ПН 114, 6; НТ 381, 9); tērvāṇ killi ‘щедрый на колесницы Килли’ (ПН 220,6); tērvāṇ vīraṇ ‘щедрый на колесницы Виран’ (НТ 350,9); karaṅkumaṇi neṭuntēr koḷkenak koṭutta parantōṅku ciṅappiṇ rāgi ‘Пари с высоко вздымающейся славой (дарителя), говорящего: «Берите длинные колесницы с гремящими колокольцами»’ (ПН 200, 11-12). В стихотворении ПН 123 щедрость царя описывается таким образом:

nāṭkaḷ luṇṭu nāṇmakil makiliṇ
yārkkku meḷitē tērī tallē

¹² Происхождения слова tēr, означающего в тамильской традиции колесницу, неясно. Обращает на себя внимание факт отсутствия в текстах заимствования санскритских слов со значением ‘колесница’ (в частности gatha). Вместе с тем имеются примеры употребления слова sakaṭam (санскр. śakaṭa) телега (АН 136,5; КТ 163,3; НТ 4,9; ПН 102,2).

tolaiyā nallicai viḷaṅku malaiyaṅ
makilā titta viḷaiyaṅi neṭuntēr
rayaṅkelu mullur mīmicaip
paṭṭa māri yuraiyiṅum palavē

В веселии от *каля*, выпитого поутру, а *тодди* днем¹³,
Даянье колесниц легко любому;
А длинных колесниц украшенных (число),
Которые дает, не будучи хмельным, Малеиян,
Чья слава яркая непреходяща,
(Намного) превосходит дождевые капли
Из тучи, что расположилась на вершине благодатного Муллур.

Водитель колесницы обозначается в тамильской поэзии терминами *valavaṅ/vallōṅ* и *rākaṅ*. Интересно, что в поэзии *пурам* эта фигура практически не встречается, а термин *rākaṅ* употребляется лишь дважды (ПН 220, 6; Пади 40, 28), причем оба раза обозначает погонщика слонов. А *valavaṅ* в ПН 27,8 имеет в виду возницу небесной колесницы (Матали?), на которой царя-героя повлекут на небо. Таким образом, получается, что колесничий в тамильской поэзии - фигура в основном связанная с героем любовной поэзии *ахам*, возникающая в ней многократно. Он подается как хорошо обученный знаток своего дела, о чем и свидетельствует термин *valavaṅ* (иногда с модификациями, именами от глагольного корня *val/vallu* 'быть сильным')¹⁴, применяющимся к людям, хорошо владеющим ремеслом или искусством, умельцам: *kai val rākaṅ* 'сильнорукий, или искуснорукий, возница' (АН 230, 11); *tiṅtēr valava* (АН 74, 11) 'о искусник крепкой колесницы'; *ēmati valava tēgē* 'гони, искусный, колесницу' (НТ 21, 5); *valvirain tūrmati nalvalam reṅuna* 'быстро гони, о обладающий благой силой (т.е. умением)' (АН 234, 9). С этими определениями хорошо согласуется встречающийся применительно к вознице мотив знания своего дела, обученности: *valavaṅ āynta vaṅpari* (АН 20, 15) 'мощные лошади, изученные (или отобранные) умельцем'; *valavaṅ valpu āynta ūra* 'искусный возница,

¹³ *Каль* и *тодди* – хмельные напитки, добываемые из пальмового сока.

¹⁴ Техническим термином, обозначающим возницу, является слово *rākaṅ*, скорее всего происходящее от санскритского *vāhana* 'средство передвижения'.

правит, зная уздечки’; vakaiyamaḥ vaṇarpiṇ vaḥpu nī teriya ‘тебе известны красивые разновидности уздечки’ (АН 64, 3). Кроме того, возница характеризуется как знакомый, так сказать, с теорией своей профессии, с бытовавшими в древности наставлениями: nūl aṅi valava kaṭavumati (АН 114,8) ‘правь, возница, знающий (свою) науку’.¹⁵ С искусством вождения колесницы, вероятно, связано и то, что колесница (фактически, ее бег) характеризуется как ритмичная, что определяется словом rāṇi, которое, среди прочих значений, может иметь и значение ‘ритм’¹⁶: rāṇi neṭuntēr ‘ритмичная длинная колесница’ (АН 334, 16); raṇṇamaḥ neṭuntēr rāṇiyiṇ olikkum ‘длинная, искусно сделанная колесница, ритмично звучащая’ (НТ 167, 4); māṇilai neṭuntēr rāṇi niṅra ‘славноукрашенная колесница держит ритм’ (АН 50, 4).

Основная ситуация любовной тамильской поэзии-ахам, в которой герой едет на ведомой возницей колеснице, принадлежит теме-*тиней муллей* (mullai) и отчасти *палей* (pālai), посвященных теме разлуки и описанию, с одной стороны, женщины, ожидающей, возвращения супруга, а с другой - героя, стремящегося поскорее воссоединиться с ней. Цель отлучки героя не вызывает сомнений – он возвращается после военного похода и обрисован как предводитель отряда воинов, а в поэмах МП и ННВ как царь. Конь, колесница, возничий – атрибуты, подчеркивающие его высокий статус. В то же время военно-героический, так сказать, компонент темы *муллей* производит впечатление своего рода надстройки над основным содержанием, отражающим состояние и поведение героини в рамках так называемого женского ритуала разлуки (см. [Дубянский 1989, сс. 125-128]). Во всяком случае, переживания разлученной женщины – вполне самостоятельная лирическая тема, что подтверждается многими стихотворениями сборников

¹⁵ nūl является калькой санскритского слова sūtra ‘суптра’, буквально нить, но с древности применяющегося в качестве термина для обозначения нормативных текстов, ученых книг по разным отраслям знаний и жизненной практики (в этом смысле аналогичное термину *шастра*). В данном случае речь, несомненно, идет о трактате (или трактатах) по коневодству. Ср. nūlōṅ pukaḥṇta māṭciya māḥkaṭal vaḥai kaṇ ṭaṇṇa vāluḥaip riḡavi (ППан, 487- 488) ‘хвалимые знатоками (nūl-ōṅ букв. ‘книжники’), обладающие гривами белыми, словно раковина славного темного моря, кони’.

¹⁶ Слово употребляется также при упоминании звона колокольчиков, барабанного боя.

поэзии санги, а появление в них военно-героических образов (что особенно характерно для антологии АН и поэм МП и ННВ), вероятно, связано с влиянием поэзии *пурам* и использованием любовной поэзии в панегирических целях. Тем не менее, мотив возвращения героя оказывается немаловажным при рассмотрении его в иной плоскости.

Стремясь соединиться с любимой, герой в нетерпении подгоняет возничего:

irunila kuraiyak koṭṭip parintiṅru
āti pōkiya acaivil nōṅtāl
maṅṅar matikkum māṅvinaip puravi
koymmayir eruttiṅ peymmaṅi āṅṅpa
pūṅkatil pākaṅiṅ tērē pūṅtāl
āka vaṅamulaik karaivalam teṅṅippa
aḷutaṅaḷ uṅaiyum ammā arivai
viruntayar viruppoṭu varuntiṅaḷ acaiiya
muṅuval iṅṅakai kāṅkam
uṅupakai taṅintanaṅ uravuvālvēntē.

Запрягай, возничий, свою колесницу,
Чтобы гремели бубенцы на шеях с гривами подстриженными,
Славных в деле, царем ценимых коней
С крепкими неутомимыми ногами,
Идущие аллюром *ади* и топчущие в быстром беге
Большую землю так, что (ее пространство) сокращается,
И мы увидим сладкую дрожащую улыбку
Тоскующей, готова угощение,
Прекрасной смуглой женщины,
Что плачет, пребывая (дома),
И слезы разбиваются о кончики
Грудей красивых с ниспадающими украшениями.
(Ведь) царь с крепким мечом врагов своих смирил. (НТ 81).

Или: celka pākaṅiṅ nalvinaṅi neṅuntēr...oṅṅoṅi maṅantai tōḷiṅai peṅavē ‘гони, о возничий, свою хорошо сделанную колесницу...чтоб обрели мы плечи женщины, украшенной блестящими браслетами’. (АН 204, 8...14).¹⁷

---

¹⁷ Более подробно и с дополнительными примерами мотив возвращения героя в теме *муллей* описан в [Дубянский 1989, сс. 120-122]. Отметим, что лирическое высказывание героя в виде обращения к вознице, характерная поэтическая форма поэзии на тему *муллей*.

Картина возвращения героя сопровождается описанием его коней, колесницы, возничего, что достаточно подробно рассмотрено выше. В ней несомненно наличие элементов героической поэзии *пурам*. Но есть еще один важный момент, с ней связанный. Дело в том, что в традиции индийской лирической поэзии вообще и тамильской в частности, герой должен вернуться домой до начала сезона дождей или в самом его начале. На этом построена вся интрига ситуации *муллей* в тамильской поэзии, обыгрываемая по-разному: героиня радуется приходу дождей, ждет его, слушает утешения подруги, страдает, если герой запаздывает, и т.д. Это – кар (сезон дождей), это время, про которое он сказал «Приедем» АН 194, 16...19). Как было показано ранее [Дубянский 1989, сс. 138-139], поэзия на тему *муллей* показывает явный семантический параллелизм между природными процессами (в данном случае сезонными) и человеческими отношениями. На нем строится также явная ассоциация возвращения героя с приходом сезона дождей, причем, значительную роль в ее создании играют именно кони и колесница, точнее, производимый ими шум – звон колокольчиков (или бубенцов) и грохот колес. Гремят и с шумом льют дождь тучи, - с шумом и громом несется колесница героя. *kaṅporutiraṅkum pallār nēmi kārmaḷai muḷaṅkicai kaṭukkum muṇainal lūraṅ puṇainetun tērē* ‘большая боевая колесница жителя благого селения, подобная (шумом) шуму дождя сезона *кар*, с колесами, (имеющими) много спиц, гремящими, наезжая на камни’ (АН 14, 19-21); *kaṅpāl aruviyiṅ olikkum naṅtēr* ‘хорошая колесница шумит как ручей со множеством камней’ (АН 184, 17); *peummaṅi ārkum iḷaikīḷar neṭuntēr vaṅpāl muṅampriṅ nēmi atira* ‘большая колесница с шумящими трясущимися бубенцами, чьи колеса стучат на каменистом пути’ (НТ 394, 4-5).

Кроме того, в этой картине выявляется еще один настойчивый и многозначительный мотив: колеса и копыта коней давят, рассекают влажную землю, разрезают цветы и растения. *kāntaḷ vaḷḷitaḷ kuvikuḷampu aḡuppa* ‘округлые копыта режут сочные листья *кандаля*’ (НТ 161, 7); *tāraṅi puravi*

taṅṅayir tumirra ‘кони, украшенные гирляндами, срезают свежие посевы’ (НТ 181, 11); naṅuvī tumitta nēmi taṅṅila maruṅkiṛ pōlnta vaḷi ‘дорога, идущая по прохладной земле, расколота колесами, срезающими благоуханные цветы’ (АН 324, 11-12);. В контексте любовной тамильской поэзии несомненны сексуальные обертоны этого образа, вполне соответствующие общей ее семантике, связанной с идеями соединения мужского и женского начал и плодородия.

С конями и колесницей как атрибутами героя любовной поэзии мы встречаемся и в поэзии, относящейся к теме-*тиней нейдаль*, изображающей в духе темы *куриньджи* (добрачная любовь) встречу и разлуку героев на фоне морского пейзажа (см. [Дубянский 1989, сс. 154-159]). Героиня здесь - простая девушка-рыбачка, но герой сохраняет высокий статус и на свидание прибывает, как правило, на колеснице. В большинстве случаев подразумевается, что он ведет ее сам, но иногда все же упоминается возничий (НТ 106, 1; АН 340, 4). Сохраняется и мотив режущих колес, только в данном случае они давят песок или прибрежные растения. paṅṅkaṅyir pōlnta koṭiṅci neṅuntēr ‘большая колесница с башенкой, раскалывающая зыбкий песок’ (АН 320, 11); aṅṅpiṅ seṅkēḷa meṅkoṭi āḷi aṅṅṅra ‘колеса разрезают нежные плети красного *адумбу*’ (АН 80, 8-9). Интересно, что в поэзии *нейдаль* в трех случаях (АН 350, 6; 120,10; НТ 278, 7) конь заменен мулом (attiri), видимо, более подходящим для передвижения по пескам и отмелям животным.¹⁸ В НТ 278, 7-8 мул, передвигаясь по жиже лагуны давит ногами креветок (kaḷicēru āṅiya kaṅaikāl attiri kuḷampinṅum sēyirā oṅṅkiṅa).

Еще одна тема, в пределах которой герой может появиться на коне или колеснице, - *марудам* (marutam). Ее содержание связано с разлукой особого рода. Герой уходит от жены и в течение некоторого времени проводит время с другими женщинами – принимает участие в обрядовых купаниях или развлекается с гетерами. НТ 150, 7-8 сообщает словами гетеры: kalimā kaṅaii

---

¹⁸ Более подробно о мулах в тамильской поэзии см. [Vasek 2014, p. 97].

vantem cērit tārūm kaṇṇiyun kāṭṭi ‘ты прибыл в наш квартал, подгоняя коня с ленивой (букв. прохладной) походкой, показывая венки и гирлянды (т.е. выбирая, кого из гетер предпочесть)’. В НТ 300 он возвращается к своему дому, ‘снарядив большую колесницу’ (peruntēr raṇṇi, 5), но уходит, оставляя для переговоров по примирению с женой музыканта-панана, часто выполнявшего посредническую миссию.

В стихотворении Кали 96 поэт (maruta iḷanākaṇār) остроумно обыгрывает образ лошади, создавая сценку – диалог между героиней и ее мужем, вернувшимся домой после пребывания с гетерой.¹⁹

(Героиня):

О, обладающий прекрасной грудью! Твои правдивые слова тому, (каков твой облик), не противоречат.

Растрепаны, разодраны твои одежды, ты в смятенье,
Струится пот, сандал (с груди) смывая, а венок на шею сполз.
Куда ходил и (что) сюда пришел?

(Герой):

Послушай, дорогая! О ты, с глазами, что напоминают лилии
С развернутыми лепестками!
Катался я на лошади и вот вернулся.

(Героиня):

Да, знаю я ту лошадь.
Ее подстриженная грива разделена на пять частей,
Она с плюмажем красным и пучком распущенных волос.
Сапфировое ожерелье – то венок на (лошадиной) шее,
А серьги, что колышатся на нежных ушках, - то подвески под подпругой,
Глаз выраженье – кнут, а шпилька в волосах красивая – то ручка (от кнута),
Покровы нитяные – крепкие поводья,
Тройные нити бус сапфировых – нашейные гирлянды,
А пояс золотой – шнурок для колокольчиков. (Вот так), чтобы звенели
Браслеты золотые, на ноги надетые,
Любимую, тобою вожделенную лошадку погоняя,
По дворику, луною освещенному, при доме с превосходною лепниной
Носился ты аллюром *ади*. Да здравствует наездник!
Эй, конюх! (Ну а синяки) на теле, что подобны мадурайским улицам,
Которые в лучах рассвета подметают, - что, от лошади?
Ах, славны же ее когтистые копыта!

---

¹⁹ В этом стихотворении заметно смеховое начало, вообще характерное для поэзии марудам. Отметим и использование приема *рупака*, о котором говорилось выше. При отождествлении гетеры и лошади поэт вводит ряд местных терминов, обозначающих предметы женского наряда и детали конских украшений и сбруи, точная идентификация которых иногда затруднительна. Однако, общий смысл произведения совершенно понятен.

Ужасно просто! – Да здравствует лошадка!
А эти вот укусы у тебя на теле, подобные кружочкам,
Что делают для украшения на теле лошади
Сосула из бамбука донцем, - что, от лошади?
Ого! Не побоявшись, укусила!
Ну, здорово! Да здравствует лошадка!
Ну, хорошо. Теперь я знаю. Лошадь, на которой ездил ты,
Не та оседланная лошадь, что тобой взята согласно дхарме и со свадебным
обрядом.
А (прилетела) ветром, с *пананом* потолковав чужим (мне),
Когда он был твоим посланником.
На этой лошади, что уничтожила твой прежний облик, ты не ездил.
А коль поедешь, там всегда и будешь ты - наездник, а гетера – лошадь.
Иди, на лошади (своей) катайся!

В поэзии *марудам* конь и колесница выступают как атрибуты героя, связанного с городским образом жизни (его так и прозывают *ūraṇ* – ‘горожанин’), для которого прогулки верхом или на колеснице – одно из развлечений, причем, на колеснице он появляется, как правило, с гетерой (соответствующие сцены изображены, например, в тамильской поэме «Повесть о браслете» (*cilappatikāram*) и санскритской пьесе «Глиняная повозка» (*mṛcchhakaṭikā*).

В заключение мы вновь обратимся к ситуации приезда героя на колеснице и включенному в нее мотиву шума, грохота, ею производимого. Этот мотив, как было отмечено, выразительно оттеняет соотношенность героя с природными явлениями, уподобляя его приезд приходу благодатного сезона дождей. Связь героя с идеей плодородия и значительность картины его почти церемониального возвращения позволяют перевести его фигуру в иную, мифопоэтическую плоскость и ощутить за ней очертания некоего божественного персонажа (это касается не только темы *муллей*, но и других тем- *тиней*). Однако, развитие этой идеи не входит здесь в нашу задачу. Обратим внимание на то, что мотив шума, производимого колесницей, отчетливо различимый в тамильской поэзии, имеет явную параллель в древнеиндийском эпосе «Махабхарата», а именно, в эпизоде из третьей части - «Сказание о Нале». Якобы пропавший царь Нала с внешностью, изменой

заклятьем, ведет колесницу царя Ритупарны ко двору царя Бхимы, отца его супруги Дамаянти.

Вот как это изложено в 71-й главе 3-й части «Махабхараты»:

Брихадашва сказал:

И вот на закате поведали люди царю Бхиме о прибытии в Видарбху истинного доблестного Ритупарны. С позволения Бхимы тот царь въехал в город Кундину, огласив грохотом колесницы все десять (главных) и промежуточных сторон света. Заслышав грохот той колесницы, кони Налы, (жившие у Бхимы), радостно заволновались, как прежде, когда (чувствовали) приближение хозяина. Услышала и Дамаянти тот грохот колесницы Налы, глубокий, словно голос облака в миг сгущения дожденосных туч. Подумалось дочери Бхимы, что точно также гремела колесница прежде, когда сам Нала правил своими конями. То же (почуяли) и кони. Павлины на дворцовой крыше, слоны и кони в стойлах – все внимали тому, как грохочет колесница владыки земли. Павлины и слоны, заслышав этот колесничный грохот, задрали головы и закричали, о царь, как будто чуя приближение грозы.

Дамаянти сказала:

По тому, как грохот этой колесницы наполнил всю вселенную, по тому, как радостно забилося мое сердце, (я знаю): это он, владыка Нала! (Мхбх III, сс. 155-156).

В этом отрывке, как и в тамильской поэзии, проезд героя равнозначен нашествию дождевых туч, а грохот колесницы (*rathaghoṣa*) – громыханию грозы. Этот общий мотив можно присоединить к тому ряду аргументов, которые Я.В. Васильков приводит в своем комментарии к книге в качестве обоснования возможной связи этого сказания с дравидийской словесностью [Мхбх III, с. 626]. Разумеется, вопрос этот может обсуждаться пока лишь в предположительном ключе, но накопление фактов, так или иначе демонстрирующих эту связь, как в данном случае, несомненно, будет способствовать решению этого вопроса.

Аббревиатуры текстов и тексты.

Аин - *aiṅkuṅunūru. tiru po. vē. cōmacuntaraṅār uraiyuṭaṅ. ceṅṅai, tirunelvēli, maturai, 1972.*

АН - akanāṅūru. nāvalar, na.mu. vēṅkaṭacāmi nāṭṭār, karantai kaviyaracu, ra. venkaṭācalam piḷḷai ivarkaḷāl eḷutaperra patavurai viḷakkavuraikalutaṅ. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1962.

Кали - kalittokai. naccinarkkiṅiyār uraiyum tiru po. vē. cōmacuntaraṅār viḷakkam. ceṅṅnai, 1978.

КТ - kuṅuntokai. u. vē. cāminātaiyār uraiyutaṅ. ceṅṅnai, 1955.

МК- maturaikkāñci. pattuppāṭṭu mūlamum uraiyum. mutarpakuti tiru po. vē. cōmacuntaraṅār urai. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1962.

МП - mullaippāṭṭu. pattuppāṭṭu mūlamum uraiyum. iranṭāmpakuti tiru po. vē. cōmacuntaraṅār urai. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1968.

ННВ – neṭunalvātai. pattuppāṭṭu mūlamum uraiyum. mutarpakuti tiru po. vē. cōmacuntaraṅār urai. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1962.

НТ - narriṅai nāṅūru. uraiyāciriyaṅ nārāyaṅacāmi aiyār avarkaḷ, po. vē. cōmacuntaraṅār avarkaḷ, ceṅṅnai, 1976.

ППВМ - purapporuḷvenpāmālai— aiyāṅaritaṅār iyarṅya purapporuḷvenpāmālai. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1969.

Пади patirrupattu. mūlamum viḷakka uraiyum. uraiyāciriyaṅ tiru auvvai cu turaicāmi pillai. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1973.

Пари paripāṭal. mūlamum uraiyum tiru po. vē. cōmacuntaraṅār urai. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1975.

ПП - paṭṭinapālai. pattuppāṭṭu. mūlamum uraiyum. mutarpakuti tiru po. vē. cōmacuntaraṅār urai. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1962.

ППан - perumpānārruppaṭai. pattuppāṭṭu mūlamum uraiyum. iranṭāmpakuti tiru po. vē. cōmacuntaraṅār urai. tirunelvēli, ceṅṅnai, 1968.

СП - cilappatikāram tiru po. vē. cōmacuntaraṅār urai, ceṅṅnai 1977.

Тол. - tolkāppiyam. poruḷatikāram. iḷampūraṅār uraiyutaṅ. tirunelvēli, ceṅṅnai 1956.

Мхбх. III – Махабхарата. Книга третья. Лесная. (Араньякапарва). Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987.

Мхбх IV - Махабхарата. Книга четвертая. Виратапарва или Книга о Вирате. Переаод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова. Л., 1967.

Мхбх. VIII – Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1990.

Библиография

Гринцер 1987 – П. А. Гринцер. Основные категории классической индийской поэтики. М.

Дубянский 1989 – А.М. Дубянский. Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики. М.

Елизаренкова, Топоров 1995 – Мир вещей по данным Ригведы. – Ригведа. Мандалы V-VIII, сс. 485-525. М.

Иванов 1974 – Вяч. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* «конь» (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии). – Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Сборник статей. Памяти В.С. Воробьева-Десятовского. М., сс. 75-138.

Кайласапати 1968 - K. Kailasapati. Tamil Heroic Poetry. Oxford.

Puṛaṇāṇūru 1999 – The Four Hundred songs of War and Wisdom. An Anthology of Poems from Classical Tamil. The Puṛaṇāṇūru. Translated and edited by George L. Hart and Hank Heifetz. Columbia University press, New York.

Вацек 2014 – Jaroslav Vacek. ‘Swift horses’, a ‘means of transport’ as reflected in old Tamil Sangam Literature. – Pandanus’ 14. Nature in Literature, Art, Myth and Ritual, v. 8/2, p. 65-102.